

И.И. Шпаковский
(Минск, Беларусь)

«В НАЧАЛЕ БЫЛ САД...»: ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ «МЕМУАРОВ О ДЕТСТВЕ» Т. ТОЛСТОЙ

Жанровую сущность и поэтику «мемуаров о детстве» Т. Толстой определяет представление сугубо камерного как сущностного, бытийного, «персонализация» глобального характера фактов и идей, такое художественное освоение мира, которое заключает в себе изображение лирической личности в сопряжении с целым комплексом социально-исторических и философско-этических проблем современности.

«Мемуары о детстве» (В. Шубин) – одна из тех оптимальных жанровых форм, которая позволяет автору уложить себя в «большое время», «отпортретировать» многоликую реальность сегодняшнего дня через постижение микрокосма собственной личности. Определяющим для формально-содержательной организации «мемуаров о детстве» Т. Толстой становится «эссеистический» метод художественного мышления, а именно совмещение в русле единого художественного целого различных семантических уровней повествования (пронзительно лирического,

идейно-публицистического, философского), в равной степени художественное, рефлексивное и аналитическое постижение предмета, системный язык аналогий и метафор, обеспечивающий синтез разнокачественных понятий и «животворение» образов прошлого, изначальная мозаичность сведения фактов при строгой организации поэзии мысли. Возведение автобиографичности в область эстетических решений придает «мемуарам о детстве» Т. Толстой особую меру художественной правды: это не то, что могло быть, но то, что действительно было. К тому же, при всем внимании к «чертам случайным», мемуарно-автобиографический материал становится еще и способом выхода к общечеловеческому: жизненные факты составляют не просто арифметическую сумму элементов – их селекция, а затем и монтаж призваны развести границы обыденности, вывести к глубинным смыслам процессов общего порядка.

В определении жанровой специфики «мемуаров о детстве» Т. Толстой главным становится вопрос о характере взаимодействия двух принципиально разных художественных «материй» – воспроизведения мира окружающих явлений в их объективных пространственно-временных и каузальных характеристиках и субъективного мира рефлектирующей героини с ассоциативной разбросанностью, эмоционально-психологической раскованностью ее раздумий-чувств. Специфика творческого подхода к «строительному материалу» (сокровенность лирических «разъяснений», подкупающая естественность выражения сердечной близости к предмету повествования) обуславливает особенности «драматической траектории» развития сюжета – представляется не биография, но «переживание» ее, не событие как таковое, но поэтический аспект события. Выстраиваемая субъективная повествовательная конструкция причинно-психологического типа с ассоциативно, а не каузально-хронологической связью сюжетных компонентов не предполагает «выравнивания», логизированности развития образов, обуславливает эскизность изображения, «размашистость» письма. То, что связь между «автономными» в структуре целого сценами, впечатлениями, плывущими из внешнего мира и воспоминаниями о пережитом, рефлексиями, размышлениями на «попутные» темы (причем, все эти «импульсы») накладываются на богатые «книжные» знания и подвергаются метафоризации), становится понятна лишь при внимательном «вчитывании», вовсе не превращает повествование в стихийный, беспорядочно калейдоскопический поток «мыслей вслух». При всей смысловой дробности и нарушении жанровых стереотипов «мемуары о детстве» Т. Толстой отличает внутренняя цельность: все «психологические» фрагменты и «сколки» действительности, которые автор перебирает и складывает в мозаику на глазах читателя, сцементированы в художественную целостность, системное единство прихотливой логикой раздумий «о времени и о себе».

Т. Толстая рисует свой «личный», а не общий для всех, мир, что подчеркивается сюжетно-стилевым ударением не на самом изображении его имманентных признаков и свойств, но на предельно личностном их восприятии. «Вещный мир» представляется в «усугубленной» предметности, в снижено-обыденной материальной конкретике, но интересен он субъекту повествования не столько «содержатель-

ной» своей стороной, сколько как «хранитель» давних чувств. Однако у рефлектирующей героини Т. Толстой «расширенное» лирическое сознание: она не только «рисует» и «переживает» окружающую ее действительность, но и «мыслит» ее. При всей интенции исповедальности, созерцательно-рефлексирующем характере воссоздания полноты бытия «я»-автопсихологического субъекта, ее взгляд постоянно находится в перемещении не только по горизонтальной, но и вертикальной оси, мысль тяготеет к «сгущению действительности», превращению заурядных фигур в «логарифмы» социально-философских и психологических обобщений. В «родственном» разговоре не о глобальных потрясениях в «большом» мире, а о том, как они проявились в мире «малом», представляется «движущаяся» концепция человека и мира в экстремальных условиях реальности XX века.

Открытость субъективной проекции действительности определяет господство в «мемуарах о детстве» Т. Толстой времени эмотивного, т. е. сугубо личностного его переживания, особой «пристрастности» его диагностики. Virtuозно используя «технику» переплетения действия в прошлом и в настоящем, наделяя особой емкостью образы-символы, Т. Толстая соотносит замкнутое субъективное время-пространство с огромным, беспредельным миром, демонстрирует связанность бытийных и бытовых явлений: во времени-современности начинает сквозить время-история, за арифметикой повседневной жизни проглядывают алгебра бытия. Основным средством актуализации времени, вывода повествования за рамки линейной причинно-следственной схемы становятся прихотливые законы памяти, причем памяти произвольной, которая возвращает из прошлого и заставляет длиться в настоящем, казалось бы, безвозвратно утраченные моменты существования внутреннего «я».

В рассказе «На золотом крыльце сидели...», например, прошлое не просто объясняет, мотивирует сегодняшнее состояние души исповедующейся личности, но живет там – оно «не завершено», имеет статус такой же реальности, как и «сиюминутные» ситуации. Жанровую структуру рассказа определяет столкновение, слияние, распад и новый синтез феноменологического опыта двух героев: у «я»-ребенка превалирует интерес к проживанию в бытии, у «я»-взрослого, комментирующего прошлое с точки зрения уже приобретенного жизненного опыта, – к интерпретации бытия. Если детскую мудрость определяет полнота и свежесть восприятия, то взрослую – полнота понимания, включающая знание амбивалентности жизни. Поэтому при параллельной «одновременности» детского «тогда» и взрослого «сейчас» они обнаруживают свое содержательное расхождение. Контраст хроно-восприятия наблюдателя жизни со «*златого крыльца*» детства и повествующей инетанции из неприглядного взрослого мира предопределяет противопоставленность в образной структуре рассказа двух стихий жизни – «прозы» (бытовой обиход, обыденное течение жизни, тот внутренний общий тонус, в котором живет человек изо дня в день) и «поэзии» (мифопоэтическая сфера, «восклицательное» восприятие жизни). Маркирует изменение точек зрения соположение слов с разнородной стилистической окраской, различные приемы интонационно-синтаксического построения фраз – поэтический слог лирико-романтических эскизов периодически

сменяет виртуозная горькая ирония, надъобиденную литературность (например, аллюзия на евангельский текст начальной фразы) – разговорный тон, архаическую лексику сказочно-идиллической трактовки событий – лексика депрессирующего рефлектера и даже грубость («*Какать-писать хоччи?*» [1, с. 45]), фабульные прозаизмы «откликаются» лирическим. Разнонаправленные ценностные акценты повествовательных рядов формируют сюжетные оппозиции «казалось – оказалось», «человеческая логика – логика жизни», «мечтательное – действительное». Если восприятие «натуры» «я»-ребенка ограничено пространственно-временными рамками, то философская рефлексия «я»-личности, уже испытавшей враждебность непреодолимого, всеразрушающего времени («*Как глупо ты шутишь, жизнь!*»), претендует на многозначительное, итоговое обобщение открывшихся глобальных закономерностей жизни. Вспоминая о детстве, исповедующаяся героиня Т. Толстой поднимается над эмпирическим восприятием отдельной человеческой судьбы, «зависает» над временем. Пережитое-прочувствованное ею пролонгируется и обретает метафизическую «подкладку».

Обнаруживая «избыточную» компетенцию, широту взгляда, субъект повествования, однако, испытывает острую потребность в живом собеседнике, в «соучастии» читателя. Непосредственное к нему обращение («*В мусорных баках кончатся спирали земного существования. А вы думали – где? За облаками, что ли?*» [1, с. 65]), не просто расширяет коммуникативный статус произведения, но перемещает носителя изложения на особую метапозицию – на границу художественной действительности и реального мира. Уже начальный паратекст (эпиграф и авторское посвящение) декларирует отсутствие разделяющей грани биографического автора от рассказчика, а главное, создает ауру семейной, сокровенной, с особой мерой доверительности атмосферы повествования. Читательское восприятие определенным образом «организуется»: все люди родом из детства, у каждого «*вначале был сад. Детство было садом*» [1, с. 37] – то утраченное праздничное, яркое мировосприятие, которое незаметно переходит в серые будни. Акцентирует общность эмоциональных реакций варьирование в повествовании местоимений «я» и «мы», использование неличных форм глагола, инфинитивных конструкций. Разворачивая «романтически-ироническим» способом метафору «рассказчик ведет за собой читателя», Т. Толстая формирует зону интимной связи между ними, создает иллюзию того, что перед нами не «искусство», а «жизнь».

«Мемуары о детстве» Т. Толстой в полной мере феноменологичны – их предметом является единичное, индивидуально-неповторимое, уникальное. Но «жизнь души», как источник мотивов и образов, не автономна, зависит от конкретных социально-исторических обстоятельств, нравственного состояния и духа эпохи. Если рефлектирующая героиня рассказа «На золотом крыльце сидели...» как бы совершает автономное путешествие в замкнутом пространстве сугубо частных чувств-раздумий, то в рассказах «Женский день», «Частная годовщина», «Белые стены» и др. акцентируется «идеологический» аспект ее мирозерцания. При всей выразительности обозначения личностного начала в этих «мемуарах» сюжетной доминантой становятся социальные эмоции,

а композиционным принципом – «поиск истины». Последнее не означает «лабораторной работы» холодного рассудка: «рассуждающие конструкции» с необходимостью наполняются настроением, слагаемые «внешней» темы (факты социальной действительности, судьбы героев, их портреты-характеры), воссоздаются целиком в русле самовыражения рефлектирующей личности, предстают как глубоко личное «переживание».

Былое и современность выверяется Т. Толстой с точки зрения соответствия общечеловеческим нравственным законам и этическим константам, выработанным национальным сознанием, главными жизненными и духовными ценностями, которые человек носит в душе, но при этом Т. Толстая чужда сентиментально-морализаторских шаблонов. Не свойственна ее «мемуарам о детстве» столь характерная для жанра тотальная элегичность или, напротив, восторженная потрясенность красотой мира, буйная лиричность от поэтической «непреодолимости» незабываемых детских впечатлений. Стилю Т. Толстой более присущи элементы трезвой ироничности, игриво-язвительное, пародийное обыгрывание автоматизации читательских навыков рецепции «мемуаров о детстве». А в целом, ее «мемуары о детстве» отличает особого рода стилевая многосоставность, взаимопроникновение контрастных чувств, подвижность интонационного рисунка: лирическая раздумчивость сменяется мягкой усмешкой над собой, рационально-аналитическое – меланхолией, патетическая возвышенность – сарказмом.

«Мемуары о детстве» Т. Толстой – это одна из жанровых форм той «лирической волны», которая периодически возникала в русской литературе, когда писатели стремились преодолеть догматические каноны, наложенные на эпическую традицию, повысить ее интеллектуальный темперамент, выйти за рамки литературно-банального. Жанровую сущность и поэтику ее «мемуаров о детстве» как раз определяет транспонирование в мир сугубо камерного как сущностного, бытийного, такое художественное освоение мира, которое заключает в себе изображение лирической личности в сопряжении с целым комплексом социально-исторических и философско-этических проблем современности, их анализ с переносом постановки общественно значимых вопросов на личную почву, с «персонификацией» фактов и идей. «Дополнение» сугубо автобиографического, мемуарно-художественного иными перекрещивающимися потоками информации, публицистическими или историософско-отвлеченными размышлениями в определенном смысле позволяет автору преодолеть метафизическую разорванность мира и индивидуума, снять противоречие между «единичностью» субъективно-личностного и «тотальностью» универсальной всеобщности социума, между неизбежной авторской тенденциозностью и пониманием того, что жизнь шире всех и всяческих рамок.

Список литературы

1. Толстая, Т. Ночь: рассказы / Т. Толстая. – М. : Подкова, 2001.